

С.И. Синяева
магистрант 1 года обучения факультета иностранных языков Курского
государственного университета (г. Курск)
e-mail: svetasin@yahoo.com
научный руководитель –И.С. Бороздина, д.ф.н., профессор кафедры
английской филологии КГУ

СКАЗКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

В данной статье сказка рассматривается как средство формирования иноязычной пространственной картины мира. Автор приводит этимологию лексемы «сказка» в русском, английском и французском языках, анализируя средства и способы репрезентации отдельных характеристик пространства в русских, английских и французских сказках и устанавливая их общие и отличительные черты.

Ключевые слова: сказка, пространственная картина мира, этимология, иностранные языки.

Являясь одним из выдающихся элементов культуры древних жанров народного эпоса, сказка выполняет эстетическую и воспитательную функции. Обращаясь к толкованию данного термина в словарях, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова мы находим два первостепенных значения слова «сказка»: «1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, неправда, ложь (разг.)» [Ожегов: 1995; 325]. Научный свод этнографических понятий и терминов даёт самое широкое определение: «Сказки – вид устной народной прозы с доминантной эстетической функцией. Это отличает их от прочих устных рассказов, где главной является функция информативная (предания, былички и т.п.). Недостоверность повествования (установка на вымысел) остается, по существу, единственным признаком, позволяющим относить устные рассказы к разряду сказок, сообщаемых с целью развлечения и поучения...» [Бромлей: 1988; 224].

По данным этимологии, корень исследуемого слова, *-каз-*, приобретая многообразные значения с разными приставками, сохраняет основной смысл самого корня – некоторая форма сообщения: *сказать, указать, наказать*. В

других славянских языках это слово имеет близкие значения, например, сербское «казати» – «говорить», чешское «казати» – «показывать» [Пропп: 2000; 511].

Анализ существующих определений слова «сказка» позволяет вывести два её основных признака: 1) сказку признают повествовательным жанром (*баять* – «сказывать, рассказывать»); а также 2) сказку можно считать вымыслом.

В различных языках анализируемое понятие получает различные языковые формы выражения. Однако, только в русском и в немецком языках сформировались специальные термины для сказки. Так, в немецком языке сказка определяется словом «*märchen*», где корень *-mär-* выступает в значении «новость», «известие», а *-chen-* является уменьшительным суффиксом. Следовательно, слово «*märchen*» – «маленький интересный рассказ», появилось в XIII веке и постепенно закрепилось в значении «сказка». Не имея специального слова для сказки, древние греки обозначили ее словом «*миф*», в то время как на латинском языке слово «сказка» передается через «*fabula*» [Пропп: 2000; 511].

Как полагает В.Я. Пропп, во французском языке слово *conte* получило широкое употребление в значении «рассказ», *raconter* – «рассказывать». Для более точного определения прибавляют *conte populaire* («народный рассказ»), *conte de fées* («рассказ о феях», что относится только к волшебным сказкам), или *récit*, или *légende*. Аналогичная ситуация складывается и в английском языке, где сказку называют словом *tale*, что означает «рассказ вообще, любой рассказ». По примеру французского языка говорят: *fairy-tale* «фейная сказка». Для обозначения детских сказок используют слово *nursery-tale* (*nurse* – «нянька»), а также употребляют слова *story* и *legend* [Пропп: 2000; 511].

В приведенных выше определениях сказки выделяются такие ее структурные компоненты как герои и события, разворачивающиеся в сказке с участием волшебных сил, но нет указания ни на пространство совершения

событий, ни на время. Однако совершенно очевидно, что разворачивающиеся в сказке события имеют, по крайней мере, место совершения. По этой причине важно проследить, какая именно пространственная картина формируется в сказке и имеет ли она отличия в сказках, принадлежащих разным лингвокультурам.

М.М. Бахтин справедливо указывает, что неперенным звеном сюжета сказки является перемещение героя в пространстве, которое требует формирования представления о течении времени – объективного, не зависящего от нас, или субъективного, которое связано с особенностями его восприятия героем в каждой конкретной ситуации [Бахтин: 1997; 310].

В ряде сказок место совершения действия представлено как вымышленное, нереальное, например, *«В некотором царстве, в некотором государстве»* (русская народная сказка «Козёл»); *«...за тридевять земель, в тридесятом царстве»* (русская народная сказка «Сказка о молодильных яблоках и живой воде») [Русские народные сказки: 1985; 153 – 193].

Отличительной чертой сказки является то, что ее материальный мир, не оказывая сопротивления, отражается в специфике построения сюжета и системы образов [Бахтин: 1997; 310]. Любое действие в сказке встречает большее или меньшее сопротивление среды, что делает действия в произведении быстрыми или заторможенными, и они захватывают большее или меньшее пространство. Русская сказка отличается отсутствием сопротивления среды: передвигаясь с небывалой скоростью, путь героя не труден и не легок – *«едет он дорогою, едет широкою...»*, а препятствия, встречающиеся герою по дороге, являются только сюжетными, а не природными.

По мнению ряда исследователей, физическая среда сказки сама по себе не знает сопротивления. Отправляясь в путь, герой достигает цели без усталости, дорожных неудобств, болезни, не обусловленных сюжетом, попутных встреч. Перед героем разворачивается *«прямоезжая»* и *«широкая» дорога*, *«заколodить»* которую можно только не по естественному ее

состоянию, так как ее кто-то уже заколдовал. Поле в сказке широкое, а море не препятствует герою, следовательно, пространство в сказке не служит затруднению действию, а любые расстояния, не мешающие развиваться сказке, вносят в нее масштабность и значительность. Пространством оценивается значительность совершаемого. Все события, происходящие в сказке, неожиданны: *«ехали они, ехали, и вдруг...»*, *«шли, шли и видят речку»* [Бахтин: 1997; 310].

Как показано в исследовании, пространство сказки велико и безгранично, но в то же время тесно связано с действием, не имея отношения к реальному пространству. Здесь важное место занимает волшебная формула, сопровождающая действия героя: *«близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли»*, и имеющая продолжение, связанное с художественным временем сказки: *«скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*. Благодаря особенностям художественного пространства и художественного времени развития действий в сказке имеют благоприятные условия, которые совершаются легче, чем в каком-либо ином жанре фольклора. Эта легкость совершений сказочных действия находится в непосредственной связи с ее волшебством. В сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» волшебный мячик катится перед героем сказки – стрельцом: *«...где река встретится, то мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется»* [Русские народные сказки: 1985; 153 – 193].

Понятие о границе становится существенным дифференциальным признаком художественного пространства сказки. Как отмечает Ю.М. Лотман, она делит все пространство художественного текста на два взаимно не пересекающихся подпространства [Лотман: 1992; 194 – 199]. Так, например, пространство волшебной сказки можно разделить на «дом» и «лес», границей которых выступает опушка леса, а иногда река. При этом герои «леса» не могут проникнуть в «дом» – они закреплены за определенным пространством. Поэтому все кульминационные события

происходят на пограничной территории, например, на «мосту». Примером этого выступает английская сказка Г. Дзэнта «Three Billy Goats Gruff» [Dasent 1844;1–18]: *«Once there were three Billy Goats. They lived in the valley. And their last name was Gruff. But between the valley and the hillside there was a river, a roaring river. And over the river there was a bridge. And under that bridge there was a Troll who was as mean as he was ugly».*

Во французской сказке Ш. Перро Красная Шапочка проходит через лес, чтобы добраться до дома своей бабушки [Perrault: 2011; 11–28] *«Le petit Chaperon rouge partit aussitôt pour aller chez sa mère-grand, qui demeurait dans un autre village. En passant dans un bois, elle rencontra compère le Loup, qui eut bien envie de la manger; mais il n'osa, à cause de quelques bûcherons qui étaient dans la forêt».*

В сказке «Мальчик-с-пальчик» отец-лесоруб отводит детей в лес, так как отец и мать не хотят видеть страдающих от голода детей: *«Ils allèrent dans une forêt fort épaisse, où, à dix pas de distance, on ne se voyait pas l'un l'autre. Le bûcheron se mit à couper du bois et ses enfants à ramasser des brouilles pour faire des fagots. Le père et la mère, les voyant occupés à travailler, s'éloignèrent d'eux insensiblement, et puis s'enfuirent tout à coup par un petit sentier détourné»* [Perrault: 2011; 11–28].

Имея целостный и целенаправленный характер, пространственная картина сказки может быть существенно оторвана от реальности, в то время как динамическая легкость сказки ведёт к крайнему расширению ее художественного пространства. Чтобы совершить подвиг, герой отправляется за тридевять земель в тридесятое государство, где находит героиню «на краю света». Стрелец–молодец достает царю невесту Василису–царевну – «на самом краю света». Место подвига каждый раз новое, благодаря чему действие сказки оказывается путешествием героя по ее огромному миру.

Проведенный анализ русских, английских и французских сказок показал существенные лингвокультурные отличия в способах и формах

репрезентации пространства. На наш взгляд, подобные несовпадения нужно учитывать в процессе преподавания английского и французского языков на уроках иностранного языка. Включение в педагогический процесс сказок формирует у школьников знания не только об иноязычной культуре и ее ценностях, а также укрепляет знания о родной культуре в процессе сопоставления и сравнения [Рогова: 1991; 287]. Одновременно происходит формирование представлений о национальных концептах, развиваются эмпатия и толерантность к особенностям иноязычной культуры.

Библиографический список

Бахтин М.М. Проблема текста // Собр. соч. в 7 т. - М.: Искусство, 1997. Т.5. – С. 310.

Бромлей Ю.В., Штробах Г. Свод этнографических понятий и терминов. Выпуск 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. - М.: Наука, 1988. – С. 224.

Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избранные статьи, т. 1. – Таллинн: «Александра», 1992. – С. 194 –199.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 325.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – С.511.

Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – С. 287.

Русские народные сказки // Сост. В.П. Аникин; Ил. Е. Короткова и др. – М.: Правда, 1985. – С. 153 –193.

Dasent G.W. The Three Billy Goats Gruff. Popular Tales from the Norse 1844. – С. 1–18.

Perrault Ch. Un livre pour l'été. Neuf contes. Édition: Centre national de documentation pédagogique 2011. – P. 11–28.